

STUDIA PHILOLOGICA



Карен Степанян

ШЕКСПИР, БАХТИН И ДОСТОЕВСКИЙ

Герои и авторы
в большом времени



ГЛОБАЛ КОМ
МОСКВА
2016

УДК 82/821.0
ББК 83.3
С 79

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Степанян К. А.

С 79 Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. — М.: Глобал Ком : Языки славянской культуры, 2016. — 296 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-94457-273-8

В монографии К. А. Степаняна «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» впервые в отечественном и зарубежном литературоведении сопоставлено все творческое наследие великого английского драматурга и русского писателя, включая письма, записные тетради, публицистику Достоевского. Рассмотрены и проанализированы художественные переключки, реминисценции, основные принципы творческого метода, оценки автором «Братьев Карамазовых» личности и произведений своего великого предшественника и его прямые и не прямые ответы на бытийные вопросы, поставленные в драмах и трагедиях Шекспира. Исследуются понятия маски, карнавала, художественной полифонии и «надъюрисдикционного преступления» с обстоятельным учетом работ М. М. Бахтина по этим проблемам (при этом автор монографии во многом полемизирует с бахтинскими концепциями). Феномен трагического в произведениях Шекспира и Достоевского осмысливается в контексте исторического развития жанра трагедии в мировой литературе.

УДК 82/821.0
ББК 83.3

Иллюстрации на обложке: спектакль в лондонском театре «Глобус», вид Саранска конца XIX — первой половины XX вв., картина «Выход царя» (Санкт-Петербург, Русская школа живописи XIX века).

ISBN 978-5-94457-273-8

© Глобал Ком, 2016
© К. А. Степанян, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение. Понимание в большом времени	7
Глава I. «Изредка являются пророки...». <i>Шекспир и его создания в восприятии Достоевского</i>	23
Глава II. «Солнце Эммауса». <i>Трагическое у Шекспира, Ницше и Достоевского</i>	104
Глава III. Достоевский и Бахтин. <i>Совместим ли «реализм в высшем смысле» с полифонией?</i>	123
Глава IV. «Надъюрисдикционное преступление» и карнавал у Достоевского и Шекспира	167
Глава V. Маска и преображение у Достоевского и Шекспира.....	197
Глава VI. «Зимняя сказка» и «Братья Карамазовы»	208
Глава VII. Идеал у Достоевского и Шекспира. <i>«Сон смешного человека», «Сон в летнюю ночь», «Буря»</i>	226
Глава VIII. Творческий метод как постижение <i>«тайны человека»</i>	261

Введение

Понимание в большом времени

Шекспира, Достоевского и Бахтина объединяет в первую очередь то, что в отношении каждого из них и написанного ими невозможно говорить: «мы знаем, что...». Знаем мы пока, к сожалению или к счастью, очень мало. Больше знаний о том, какие связи существовали *между* ними.

Шекспир, Сервантес, Шиллер — «громადной величины художественные гении» (26; 145)¹ — были для Достоевского, на протяжении всей его жизни, неизменными константами величия западноевропейской литературы. И если говорить о значимости зарубежной литературы для его творчества, создания именно этих великих писателей (наряду с романами Бальзака) в наибольшей мере оказали влияние на их русского преемника и продолжателя². Преемника — потому, что все они в своих произведениях стремились решить кардинальные вопросы самоопределения человека в мироздании, предельно важные прежде всего для них самих и потому, в силу их

¹ Все цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по изданию: *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990, с указанием в скобках арабскими цифрами соответствующего тома (для последних трех томов — римской цифрой соответствующего полутома) и затем, через точку с запятой, страницы. Заглавные буквы в написании имен Бога, Богородицы, других святых имен и понятий, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям того времени, восстанавливаются. В этих и во всех других цитатах слова, выделенные автором, даются курсивом, выделенные нами — полужирным шрифтом.

² «Писатель, о котором я думаю как об истинном наследнике Шекспира в России, — Достоевский» (*Брентон Э. Шекспир — русский // Вопросы литературы*, 2007, июль-август. С. 219). Высказываний, подобных этому суждению английского дипломата и шекспироведа, можно найти немало и у отечественных, и у зарубежных ученых.

гениальности, для всех людей. Их главной задачей было исследовать «все глубины души человеческой»³ и в то же время художественно воссоздать мир в его полном объеме, в единстве и взаимопроникновении физического и метафизического уровней, и определить место человека в нем. Продолжателя — потому, что Достоевский в своих романах и в публицистике (во многом пророческой) *отвечал* на вопросы, поставленные его гениальными предшественниками.

Тем удивительнее, что, несмотря на множество сопоставлений с творчеством Шекспира в исследованиях, посвященных Достоевскому, и с творчеством Достоевского — в работах шекспироведов, до сих пор нет ни в России, ни в Великобритании, ни вообще в мире обобщающей монографии, где был бы осуществлен сопоставительный анализ всего творчества русского романиста и английского драматурга, их понимания человека и мироздания, их «реализма в высшем смысле» (правомерность такого обозначения творческого метода Шекспира будет показана далее), их переключек в большом времени⁴.

Но вот именно потому, что нас интересует диалог этих великих мыслителей и художников в *большом времени* (а термин этот введен, разработан и обоснован одним из крупнейших отечественных филологов — М. М. Бахтиным), а также, главным образом, потому, что и в понимание произведений Достоевского и Шекспира, и в *человековедение* Бахтин (определявший область своих занятий как «философскую антропологию» — 6; 563)⁵, внес весомый вклад, пред-

³ Достоевский писал в конце жизни: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (27; 65).

⁴ Так же обстоит дело и с другим *великаном* из названной выше «великой тройки» — Сервантесом. В монографии «Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени» (М.: Языки славянских культур, 2013) автор этих строк попытался по мере сил восполнить пробел. О Достоевском и Шиллере существует одноименная монография замечательного германиста Н. Вильмонта (М.: Советский писатель, 1984).

⁵ Все цитаты из написанного М. М. Бахтиным приводятся по изданию: *Бахтин М. М. Собрание сочинений*: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1996—2012, с указанием в скобках арабскими цифрами соответствующего тома (в цитатах из четвертого тома римской

ставляется целесообразным — и очень интересным! — расширить состав участников диалога. Иными словами, устроить встречу в большом времени Шекспира и Достоевского в присутствии Бахтина (а заодно и вступить с М. М. в полемику по некоторым ключевым положениям его теории).

Но сначала хорошо было бы обговорить некоторые принципы понимания, положенные в основу такой работы. И здесь нам тоже помогает Бахтин.

В записях «К философским основам гуманитарных наук» Михаил Бахтин писал о двух типах познания, которые называют сейчас субъект-объектным и субъект-субъектным:

Познание вещи и познание личности. Их необходимо охарактеризовать как пределы: чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом этого другого (познающего). Такая вещь, лишенная собственного неотчуждаемого и непотребляемого нутра, может быть только предметом практической заинтересованности. Второй предел — мысль о Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва. <...> Вопрос задается здесь познающим не себе самому и не третьему в присутствии мертвой вещи, а самому познаваемому. Значение симпатии и любви. Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения. Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаний, сообщений. <...> Предмет гуманитарных наук — *выразительное и говорящее бытие*. <...> Но бытие выражения двусторонне: оно осуществляется только во взаимодействии двух сознаний (я и другого); взаимопроникновение с сохранением дистанции; это — поле встречи двух сознаний, зона их внутреннего контакта (5; 7—8).

Итак, если мы хотим исследовать встречу даже не двух, а трех сознаний (и каких!), мы должны настроиться на волну субъект-субъектного познания: услышать их голоса, прочесть написанное ими как «выразительное и говорящее бытие». Но тут перед нами встает первая трудность (все нижеследующее относится и к тому диалогу, который

цифрой обозначается соответствующий полутом) и, через точку с запятой, страницы.

мы на страницах этой книги попытаемся воссоздать, и к нашему читательскому диалогу с текстами и личностями наших героев).

Процесс постижения литературного произведения (а в известной мере и таких литературоведческих трудов, как у Бахтина, рассчитанных на соучастие читателя) можно представить в виде направленных навстречу друг другу векторов (хорошо, если в одной плоскости):

$$\text{Ч} \longrightarrow \text{А} \dots\dots \text{В} \dots\dots \text{С} \longleftarrow \text{П}$$

где Ч — читатель, П — писатель, автор, равноправные (не говорим — равно талантливые) участники диалога. Они встречаются в диалоге и движутся навстречу друг другу. Но эта встреча может произойти в точке А (если читатель не очень понимает писателя и вносит в текст много своего), может — в точке В, а может — в точке С. Но практически никогда в точке П, ибо полностью понять замысел писателя, проникнуть в то несказанное, что стоит за сказанным у большого художника, а тем более в посыл свыше, послуживший первоимпульсом для создания произведения, не дано никому. А потому и в точке А, и в точке В, и в точке С для данного конкретного читателя по существу создается новое произведение, *более или менее* приближенное к подлиннику.

Но вот здесь-то и начинаются вопросы.

Итак, если у вас есть два субъекта в диалоге, то они, в понимании Бахтина, в принципе до конца не познаваемы друг для друга: и потому, что диалог в принципе бесконечен⁶, и потому, что личность другого не может быть завершена извне.

Но при этом Бахтин (вслед за Ф. Шлейермахером) ставил задачу понять текст не только так же, как понимал его автор, но лучше: «понимание может быть и должно быть лучшим» (6; 403)⁷. Парадокс? Попробуем разобраться в нем.

⁶ «Если мы превратим диалог в один сплошной текст, то есть сотрем разделы голосов <...> то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку). <...> Если ответ не порождает из себя нового вопроса, он выпадает из диалога и входит в системное познание, по существу безличное» (6; 424, 432).

⁷ Комментаторы Собрания сочинений Бахтина отсылают здесь к истории этой герменевтической темы и, в частности, к дильтеевской категории